

евгений ройзман
**ЛИЧНЫЙ
ПРИЕМ**

живые истории

ГОИЗО

Евгений Ройзман

Личный прием. Живые истории

«Рама Паблишинг»

2020

Ройзман Е. В.

Личный прием. Живые истории / Е. В. Ройзман — «Рама
Пабблишинг», 2020

ISBN 978-5-904577-82-7

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
РОЙЗМАН ЕВГЕНИЕМ ВАДИМОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА РОЙЗМАН ЕВГЕНИЯ
ВАДИМОВИЧА.** Книга известного политика и общественного деятеля
Евгения Ройзмана, бывшего мэра Екатеринбурга, состоит из записей, которые
он вел в течение многих лет. Эти записи представляют собой пронзительные
истории обычных людей, которые приходили к нему на прием в мэрию
Екатеринбурга, и показывают широкий диапазон нелегких человеческих
судеб в современной России. Одновременно перед читателем вырисовывается
портрет автора, человека противоречивого, многоопытного, умеющего
сострадать и помогать людям.

ISBN 978-5-904577-82-7

© Ройзман Е. В., 2020
© Рама Пабблишинг, 2020

Содержание

Предисловие	6
Вступление	7
12.01.2012	9
17.01.2012	10
23.03.2012	12
25.05.2012	13
11.07.2012	14
30.07.2012	16
14.01.2013	17
21.01.2013	18
09.02.2013	19
12.02.2013	20
22.02.2013	21
05.03.2013	22
17.06.2013	23
01.07.2013	24
05.07.2013	25
23.08.2013	26
30.08.2013	27
03.09.2013	28
04.10.2013	29
11.10.2013	30
18.10.2013	31
25.10.2013	32
01.11.2013	34
08.11.2013	35
15.11.2013	36
22.11.2013	37
29.11.2013	38
06.12.2013	39
13.12.2013	40
20.12.2013	41
27.12.2013	42
17.01.2014	44
24.01.2014	47
31.01.2014	48
07.02.2014	49
14.02.2014	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Ройзман

Личный прием. Живые истории

В оформлении книги использована фоторепродукция картины Руслана Саржанова и Елизаветы Нетребы «Прием главы Екатеринбурга».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Е. Ройзман, 2020

© ООО «Издательство Гонзо», оформление, 2020

© Р. Саржанов, Е. Нетреба, 2017

* * *

Ни разу в жизни не смотрел про себя передач, не читал в газетах, не просматривал в интернете и не открывал, когда мне ссылки на публикации кидали, поэтому уверен, что если про меня и пишут, то только хорошее. Так и живу.

* * *

roizmanfond.ru

Фонд Ройзмана помог многим людям, истории которых рассказаны в книге.

Часть средств от продажи книги будет направлена в Фонд Ройзмана для конкретной помощи людям.

Предисловие

Евгений Ройзман утверждает, что не вспоминал рассказ Александра Грина «Личный прием», выдумывая название для этой книги. Между тем у его невыдуманных рассказов и полуфантастической истории Грина весьма много сходств: во-первых, в названии есть известная двусмысленность. Личный прием – это и встреча значительного лица с посетителями, и персональный метод решения вопросов, как в гриновском рассказе. Кроме того, пафос рассказа Грина вполне совпадает с главной мыслью Ройзмана: мы все можем, если захотим, просто в критический момент никто, кроме тебя самого, не вступит в дело и не решит проблему. А так-то все решаемо, стоит руки приложить.

В этом и состоит основа обаяния, неизменной притягательности ройзмановской прозы: разумеется, она являет нам портрет нынешней России, это само по себе интересно, хотя портрет выходит не особенно утешительным. Но Ройзман рассказывает, как развязываются, а иногда и разрубаются гордые узлы современной жизни, как элементарная заинтересованность оказывается сильнее отчаяния, как всем можно помочь, если захотеть и минимально напрячься. Или напрячься чуть серьезнее, если требуется. На фоне того, что Лев Аннинский называл «текучим и повальным попустительством людей своим слабостям», Ройзман демонстрирует нравственную и физическую мускулатуру, а это зрелище очень утешительное. У него хорошая поэтическая школа, он писал стихи, как полагается, лет до тридцати, и стихи были хорошие, прекрасно запоминались, обладали тем самым личным авторским интонационным клеймом – «В большой стране мутнотекущих рек, где каждый сострадания достоин»... В прозе он так же энергичен, лаконичен, мускулист и точен, так же одной строчкой набрасывает портрет, так же стремительно выходит на тему; диалог строго дозирован, авторские оценки скупы, патетики ноль. Очень деловитая литература, при огромном разнообразии типажей и ситуаций ни на минуту не выглядящая разбросанной или утомительной. Внешне это рабочий дневник, но он так построен, что скоро читатель начинает слышать хор рыдающих, требующих, негодующих голосов. Он не просто видит страну – он чувствует, что страна эта небезнадежна, что она хочет и может помогать себе, нужно ей только что-то вроде адреналиновой инъекции. Вот эта книга – такой укол.

Ройзман сам себя до некоторой степени удивляет, в русской жизни и литературе не было еще героя с таким разнообразным опытом, таким сложным характером, таким фундаментальным образованием и такой богатой практикой. Как-то многовато всего он в себе совмещает – поэт, историк, мэр, чемпион-гонщик, марафонец, исследователь невянской иконы, борец с наркоманией, подросток с Уралмаша, правозащитник, политик, а по некоторым данным, авторитет в самом широком смысле слова. Я лично встречал людей, уверенных, что Ройзман – человек очень страшный. И множество людей, ненавидящих его до глубины души. Это очень правильно, потому что человек, никем не ненавидимый в России, представляет собой пустое место, а про Ройзмана можно сказать что угодно, только не это. Гражданин будущей России будет похож на Ройзмана. Или не будет. Я вообще не до конца уверен в возможности этой будущей России. Но что литература будущей России станет именно такой – сжатой, бьющей наотмашь, точной, оптимистичной и действенной, – я совершенно убежден. Потому что не знаю насчет России, а уж литература тут будет всегда.

Дмитрий Быков

Вступление

Мне было около четырнадцати лет, и я работал на шестой овощебазе. Это на Уралмаше, чуть дальше того места, где начинается Серовский тракт. Ростом я был уже сто восемьдесят пять сантиметров, и вопросов мне не задавали. Собирались мужики с утра у железных ворот, были среди нас и бедолаги, и интеллигентные люди, и натуральные бичи (бывший интеллигентный человек), время от времени выходили с базы кладовщики и говорили, сколько людей надо и на какой вагон, цены были приблизительно известны. Бригады сколачивались на ходу. Разгружали все: фрукты в сезон, арбузы, помидоры-огурцы в ящиках, картошку в мешках и россыпью, минералку в ящиках и укладкой и все остальное. Я любил разгружать арбузы. Их кидают. Это тяжело, но не скучно. И в перекурах самые сочные и спелые едят.

Трудно было разгружать картошку в мешках по пятьдесят килограммов и складывать на поддоны; потом уже, через много лет, в универе, когда был бригадиром грузчиков на Зюрзе, приспособился, разбирая кладку Салавата на кузове, брать сразу по два мешка, чтоб лишний раз не бегать. (Салават Фазлитдинов, биолог, лучший университетский грузчик всех колхозов!) Нудно было разгружать минералку укладкой. Ее укладывали вдоль движения вагона прямо на пол и до высоты груди, оставляя проход в середине вагона. Пока дойдет, все съедет, проход засыплет, до половины – бой. Очень долго и осторожно разгружали. Но самое страшное – это разгружать картошку россыпью. Она идет вперемешку с землей, сырая. Ее разгружают специальными вилами, у которых на конце перемычки с колесиками. Один работает вилами, стоя на картошке, а другой держит мешок, потом тащит его и высыпает в огромные лари. Никаких транспортеров, механизмов, картошка грязная, сырая, потоптанная, порубленная. Думаю, с землей тонн по двадцать – тридцать в вагоне. А овощи в ящиках разгружать чисто и легко, знай себе хватай да бегай.

За один день, который тянулся порой до ночи, можно было заработать двадцать – тридцать рублей, это были хорошие деньги. Мало того, у всех мужиков были с собой прочные холщовые мешки с ручками, которые назывались «кантарками», их набивали тем, что разгружали, это так и называлось – закантариться. Это было в порядке вещей и считалось нормальным, типа библейский принцип «не заграждай рта волю молотящему», но многие шли дальше и во время разгрузки постоянно ныряли с полными кантарками под вагон и возвращались с пустыми. База охранялась по-настоящему: вахта, огромные раздвижные железные ворота, бетонный забор, затянутый колючей проволокой – все очень серьезно. Но в заборе везде были дыры, и мужики вытаскивали и тырили в леске десятки килограммов овощей, фруктов, арбузов, а иногда меняли на портвейн 777-й или 72-й в бутылках по 0,7, который называли «огнетушителями». Но пили только после работы. Вообще, воровство и бесхозяйственность в те годы были явлением обыденным, коррупция тоже была, но слова этого я тогда не знал.

...Среди мужиков, с которыми я разгружал вагоны, был парень, его звали Ленья. Он заметно прихрамывал, но работал очень хорошо. Он отличался от всех. Думающий был. Во время работы не болтают: разговор сбивает, задача быстрее закончить, рассчитаться – и домой. Мы уходили с Леньей вместе. Налегке, без кантарок, Ленья из принципа не брал, я об этом даже не думал, да меня бы и домой не пустили с принесенным.

Вообще, понятия «украсть с завода, украсть с базы» не было. Человек бы обиделся, если бы ему сказали: «Ты украл с завода!» Он бы ответил: «Что значит украл?? Взял на заводе! Принес с завода! Как это – украл???» Вот здесь идеология вступала в противоречие со здравым смыслом: если это все наше, народное, то почему я не могу себе немножко взять?

И вот мы шли с ним, грязные, уставшие, не торопясь, по шпалам, слева у нас был Шувакиш, справа частный сектор, и мы разговаривали.

Говорил он со мной, подростком, уважительно и на равных. Может, поэтому я его слышал. Возле Лисьей горки мы уходили с насыпи, спускались на Танковую дорогу и шли до Кировоградской. Чуть дальше, в лесу, между Танковой дорогой и поселком стояла школа-интернат из белого кирпича, где Леня работал, и у него там была комнатка, где они жили с женой.

Леня приглашал зайти, жена его Таня обязательно меня кормила. Комната была завалена книгами и учебниками. Леня год назад закончил пединститут и поступил в юридический на вечерний. Он хотел стать судьей. Я спросил: «А зачем тебе судьей?» Он помолчал и ответил: «Я хочу стать честным судьей».

Мы говорили с ним о книгах и о жизни, он показывал мне марки, которые собирал много лет. У него была детская душа. Мы дружили.

Потом я свалил из дома и болтался по стране. Он искал меня через моих родителей. Потом он вступил в партию, а меня посадили, и пути наши совсем разошлись.

Он стал судьей. И начал делать карьеру.

В восемьдесят восьмом году в Свердловске начались митинги. И к Лене попало дело задержанных демонстрантов, с указанием горкома КПСС всех осудить.

Леня отказался. Его вызвали в горком, где собрались первые лица милиции, КГБ, горкома и горисполкома, и стали увещевать и давить. Леня молчал. И вот на него стал орать лично первый секретарь Свердловского горкома партии. Тогда Леня встал, вытащил партбилет, со стуком прилепнул его к столу, все охренели, никто не ожидал такого. А Леня поехал в суд, написал заявление и пошел трудиться грузчиком на овощебазу.

Через год он стал народным депутатом Верховного совета СССР, где честно работал и инициировал введение суда присяжных и присутствие адвоката с момента задержания (!).

Через пятнадцать лет я тоже стал депутатом Государственной Думы в этом же округе.

И как улыбка судьбы: судья Леонид Сергеевич Кудрин положил партбилет на стол в том кабинете, который я занял через двадцать пять лет после этих событий, уже как глава Екатеринбурга.

12.01.2012

Приехал мужик.

Встревоженный и уставший. Мэр одного немаленького уральского города.

Сын у него наркоман. Не знает, что с ним делать. При этом из получасового разговора я точно понял, что больше всего он боится огласки и всего, что с этим связано.

Жизнь сына – это уже следующее. А то, что сын может кого-то ограбить и убить или продавать наркотики, – пугает тоже только в плане огласки.

17.01.2012

Ох, блин, чего только здесь не насмотришься! Пришла девчонка, тридцать с небольшим, красивая, темноволосая. Нос сломан, синяки не сошли и кровоизлияние в глаз. И все равно красивая. И мне кажется, что хорошая.

История очень женская и очень русская. Жила в Алапаевске, выучилась на швею, работала, ждала своего счастья. Вышла замуж по любви, родила сына. Муж стал выпивать. Потом его понесло, попыталась удержать, родила дочь, все бесполезно. Муж пил и умер. Осталась с двумя детьми, молодая, красивая, двадцать пять лет. Работы никакой не боится. Все сама. Но счастья-то хочется!

Познакомилась через интернет с Олегом. Замечательный парень! Переписывалась, родственные души. Через некоторое время он признался, что сидит в Тавде и сидеть ему еще три года... Расстроилась, поплакала, конечно, но что делать-то? Не бросать же теперь, да и жалко его...

Три года моталась из Алапаевска в Тавду, на свиданки ездила, передачи возила. Сына родила! Праздник был. И вот он освободился, приехал к ней в Алапаевск, она прописала его в родительский дом. Неделю они были счастливы...

А потом она с ужасом заметила у него следы укусов на руках. Она попыталась что-то сделать, начала ему выговаривать – он стал ее бить. Бил жестоко. Перестал таиться, колотся уже в открытую и потащил вещи из дома. Она терпела, потом пошла в милицию. Сначала просила, чтобы просто урезонили. Ее не слышали, смеялись. Она пошла в Госнарконтроль. Его забрали на несколько часов, завербовали и отпустили. И он, почувствовав полную безнаказанность, уже начал просто изгаляться над семьей. В этот момент она уже узнала, что сидел он за убийство и истязание. Она в отчаянии прибежала в милицию и рассказала, что он несколько часов держал всю семью под ножом и что она боится за детей. И милиция наконец-то впервые приняла меры... Вы думаете, его забрали?! Вот уж нет. Приехали и детей забрали. Она пошла в прокуратуру. И там тоже не заступились. Представляете, бедная, загнанная баба, ходит по начальникам и просит за нее заступиться. И ни один не заступился. Неработь!.. Но хоть бы одному гаду пришла в голову мысль, что к нему обратилась женщина, которую бьет мужик, и женщина просит защиты, ей некуда больше идти! Ну хоть бы один гад заступился!

Она спряталась у матери. Он приехал туда за деньгами, бил в ворота, обещал убить. Она вынесла ему деньги, передала в щелочку и пошла в дом. Увидела, что он перелезает через забор... Взяла кухонный нож в одну руку, подобрала на огороде какой-то уголок и пошла ему навстречу. И так лицом к лицу забила его насмерть. А потом, когда он упал, еще и удавила попавшимся под руку куском провода. Пошла домой, легла спать. И спала крепко впервые за много месяцев, потому что уже ничего не боялась. Утром вышла, посмотрела на него и пошла в милицию писать явку с повинной. Все. Заканчивается история. Судебно-медицинская экспертиза признала, что Наташа действовала в состоянии патологического аффекта. Сейчас слово за судом.

Думаю, что все будет нормально. Со своей стороны эту ситуацию мы будем доводить до конца.

Я написал обращение в прокуратуру области с просьбой наказать тех, кто виновен в неприятии мер, и вот что они ответили: официально подтвердили, что Наташа обращалась в прокуратуру и милицию – пять раз! И один раз обращалась ее мама. Первое обращение было девятнадцатого августа. Последнее – двадцать седьмого сентября. То есть за день до убийства. Кроме этого, Наташа неоднократно обращалась и в милицию, и прокуратуру, и Госнарконтроль. Интересно, что по обращению от 13.09.11 г. в отношении озверевшего наркомана было даже возбуждено уголовное дело, которое было прекращено 16.10.11 г. в связи со смертью

подозреваемого. А по обращению от двадцать седьмого сентября в возбуждении уголовного дела было отказано в связи с отсутствием события преступления... Но! Я разговаривал с Наташей пятого октября и видел, что у нее сломан нос, синяки и кровоизлияние в глаз!

Короче, все всё видели, все всё понимали, и никто ни хрена не делал!

И вот финал ответа: «Ваши доводы о бездействии правоохранительных органов при рассмотрении обращений Корякиной Н. В. в отношении Корякина О. Ю. не нашли подтверждения. Действия должностных лиц ММО МВД России “Алапаевский” являются законными и обоснованными. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется». Подписал его алапаевский городской прокурор, младший советник юстиции А. В. Мухаев. Результат этих законных и обоснованных действий мы видели: труп Корякина и уголовное дело на Корякину, мать троих малолетних детей. Ну что сказать?

PS. Нам удалось вынести эту историю в СМИ и создать серьезное общественное давление. Наташу оправдали.

23.03.2012

Мужчина, шестьдесят восемь лет. Детдомовский. Из детдома он вышел пятьдесят один год назад и сразу же на три года попал в армию. И ни разу в жизни не получал жилье! Просто не знал, что можно обратиться. На самом деле детдомовские привычные, и он так и жил бы остаток жизни, но пенсия маленькая, и для него это стало критично. И мужик-то нормальный, не пьет. У него в пятьдесят втором году пришли за родителями. Мать арестовали, отец убежал. Его сдали в детдом. Мать освободили быстро, в пятьдесят четвертом. А отца больше никто не видел. Родители его были старообрядцы, отец воевавший, и фамилия известная. Парень на всю жизнь запомнил свой адрес в Невьянске, откуда забрали родителей. Попробую узнать, что случилось.

Но мужик интересный, держится спокойно и с достоинством, и какой-то старообрядческий дух в нем присутствует. И борода у него настоящая. Я позвонил своему товарищу Юре Потапенко, он сумеет помочь и с жильем, и с работой. Те, которых мы отправляли раньше, – все прижились.

25.05.2012

Парень пришел. Потухший и убитый, тертый жизнью, но не алкаш. Работал где придется, на подхвате, но всегда работал. И вот прошлой осенью мать слегла. Онкология. Бросил все. Был с ней. Прошел все круги. Полгода умирала у него на руках. Страшные боли. Не отходил от нее день и ночь. Отмучилась в середине мая. Ей было всего семьдесят лет. Сорок семь из них отработала на приборостроительном заводе. Похоронная контора запросила тридцать тысяч. Он взмолился: «Не казните! Полгода не работал, денег нет вообще». Ему сделали скидку. Осталось двадцать четыре. Двенадцать отдал. Кремировали. И прах не отдадут, пока оставшиеся двенадцать не выплатит.

11.07.2012

Как-то Саня Попов привел к нам мужика. Осунувшегося. Смертельно уставшего. Сели в кабинете. Мужик молчал, а потом поднял на меня глаза и говорит:

– Дайте мне, пожалуйста, героина...

Я посмотрел на него, и мне показалось, что он не в себе.

Мужик продолжает:

– Ну вы же долбите цыган, ну возьмите для меня немножко героина!

И вдруг заплакал. А Саня говорит:

– У него жена умирает от рака. Неоперабельна. Из больницы выписали умирать. Велели встать на учет в поликлинике. И не могут ничего решить с обезбоживанием. А у нее боли страшные, и она все время кричит. Он от нее не отходит, и когда она начинает кричать – он тоже кричит. Детей его родители забрали. И он с ней день и ночь, и помочь ничем не может. Только все время кричит вместе с ней. А она все не умирает. Помогите ему героина купить!

Почему я вспомнил? Люди как-то обратились за помощью. Надо было решить вопрос с кладбищем. Старика надо было к родственникам подхоронить. Старик заслуженный, воевал в разведке. На заводе около пятидесяти лет проработал. Крепкий, упертый, самостоятельный. Обнаружили рак. Полечили. Не получилось. Выписали умирать. Боли сумасшедшие. Отворачивался к стене. Терпел, сколько мог. А потом просто начинал кричать. Сорвал голос. Мычал. И умер от болевого шока. Вот так. Человек, отдавший родине все. И все родственники радовались, что он умер. Потому что очень его любили.

Историй таких я могу рассказать еще много. Сам видел. А когда касается маленьких детей – даже рассказать не получается. И близкие идут на все и не борются уже за жизнь, а всеми силами стараются добиться для своих родных достойной смерти. При этом ни в Екатеринбурге, ни в Свердловской области нет ни одного хосписа. Ни одного.

В Свердловской области порядка восьмидесяти тысяч онкологических больных. Ежегодно выявляется пятнадцать тысяч новых. Из них более трети – четвертая стадия, умирают в течение года в страшных мучениях. Из них в больницах с уходом и обезбоживанием – чуть больше трех процентов. На необходимости хосписов свердловские врачи настаивают более двадцати лет. Для примера: в Великобритании этой проблемы не существует. Для любого онкологического больного есть место в хосписе. В Польше хосписов порядка шестидесяти (на тридцать восемь миллионов населения), и они, как правило, находятся под патронажем католической церкви.

Прилетела Лиза Глинка. Мы ходили с ней к губернатору с просьбой об открытии хосписа. Поддержали СМИ. Затем последовали разные переговоры и уговоры. Наконец, губернатор дал добро, и было решено открыть первое отделение хосписа на двадцать пять коек в Верх-Нейвинске. Назначил ответственных. Все закрутилось. Потом остановилось.

Снова приехала Лиза. Все опять закрутилось. Затем остановилось. Потом сменился президент. Потом губернатор. Потом сбежал подрядчик. Опять все остановилось. А в неоткрытый хоспис уже выстроилась огромная очередь. Вопрос окончания строительства – пять миллионов рублей. В области, видимо, таких денег нет. Деньги будем собирать мы с Лизой. Почему рассказал? Да просто в руки документ попал от 28.06.2012 г. об исполнении закона «О государственной поддержке субъектов инвестиционной деятельности в Свердловской области». Этим документом предусмотрено приобретение в областную собственность акций ОАО «Корпорация развития Среднего Урала» на два миллиарда восьмьсот пятьдесят миллионов рублей. Уже приобретено акций на сумму один миллиард восьмьсот девяносто два миллиона триста девяносто две тысячи рублей. Из них четыреста семьдесят девять миллионов направлено на завершение строительства переходной галереи 2.2 выставочного центра «Екатеринбург –

ЭКСПО», приобретение основных средств для целевой эксплуатации выставочного центра и снижения кредитной нагрузки на операционную деятельность в инвестиционной фазе проекта при плане восемьсот миллионов, предусмотренных на продолжение строительных работ по проекту международного выставочного центра «Екатеринбург – ЭКСПО». Наверно, это очень нужные траты. Возможно, даже безотлагательные. Не берусь судить. Задачи у нашего региона грандиозные. Имидж области, инвестиционный климат, опять же иностранцы смотрят! Все для фронта, все для победы. Ладно, чего уж там. Рапортуйте. Мы как-нибудь здесь сами справимся.

PS. В конечном итоге отделение в Верх-Нейвинске было открыто и заполнилось моментально. Когда же я стал мэром Екатеринбурга, открылся первый двухэтажный хоспис и в городе. Через некоторое время мы своими силами, без копейки бюджетных денег, отремонтировали третий этаж, и в хосписе появилось еще двадцать два места.

30.07.2012

Люди идут и идут. Истории одна сильнее другой. Привезли парня четырнадцатилетнего. Рыжий. Бухал и курил. Дерзкий. Достаточно развитой. Мать воспитывает его одна. За последние годы превратил ее в старуху. Совершенно загнанная, и никто не может ей помочь. Он ее бьет. Бьет – когда она не выпускает его из дома. Бьет – когда денег не дает. Бьет мать по-настоящему – кулаками. Вся в синяках. Заступиться некому. Она плачет.

Разговариваю с ним – очень трудный.

– За что мать бьешь?!

– А че она?

Смотрю – на шее крестик.

– Ты православный?

– Да.

– Ты русский?

– Да.

– Как ты, русский, православный человек, бьешь свою мать?!

Молчит, в пол смотрит.

Я уже не спрашиваю его: как ты, мужчина, можешь бить женщину?! Как ты, сильный, можешь бить слабого?! Как ты вообще, животное, можешь бить свою мать?!

14.01.2013

Зашли серьезные парни и с ними взрослый человек. Все воевавшие. Привезли сослуживца. Взрослый – его отец. Сослуживец стал жрать соль. (Соль – это дешевый наркотик группы МДПВ, метилendioксипировалерона, последствия употребления часто необратимые.) Похудел и двинулся умом. При этом социализирован, работает на хорошей работе с чужими деньгами. Чувство самокритики отсутствует напрочь. Развивает сумасшедшую активность, совершенно непродуктивную. Например, объевшись, всю ночь отжимался на кулаках. Развалил до крови. Не замечает. И при этом его прет, невероятный гонор и чувство собственного превосходства. А сослуживцы – парни горячие и еле сдерживаются, чтобы ему по репе не наступать. Но не бросают. Я им говорю:

– Парни, он очень сложный. Он сам от себя прется и не слышит ничего. Я пока не понимаю, как с ним работать.

А они отвечают:

– Если у вас не получится, у нас есть гараж капитальный с ямой, мы его туда поселим и будем год держать, пока в себя не придет. Мы его не бросим.

Видю, и отец настроен решительно. И в ситуации этой только решительность родителей и друзей дает шанс.

Ладно, давайте попробуем. И вспомнил одну историю...

У нас в Перми один Саня кололся героином. У них весь двор кололся. Родители бились, бились с ним, что только не придумывали, где его только не лечили! Кучу денег потратили. Все впустую. А он уже вообще в животное превратился да еще и отъехал несколько раз чуть не до смерти. Еле откачали. И что делать, не понятно. Тогда отец его, мужик серьезный и решительный, сказал: я знаю, что делать.

И вот однажды Саня, такой раскайфованный, заходит домой, а в гостиной сварена из толстых прутьев большая железная клетка.

– Это еще зачем?!

– А затем, гад!

Саню туда втолкнули, и решетка захлопнулась. Сначала он думал, что это шутка. Потом надеялся, что это его решили попугать. Потом бился об эти прутья, рычал, угрожал, но всем было пофиг. Потом начал просить прощения и клясться самыми страшными клятвами. Через несколько дней ему в клетку втолкнули раскладушку и небольшой тазик, который был ему вместо параша. Воду и жратву ставили на пол. И он, к своему ужасу, понял, что это не шутки... В клетке он провел восемь месяцев.

С тех пор уже много лет про героин он даже думать не может без спазма в горле. Сверстники, с которыми он кололся, кто не сидит, – все умерли. Саня сейчас успешный человек, помогает другим, и родителей своих любит, и относится к ним с большим уважением. И родители его, действительно, это уважение заслужили.

21.01.2013

В две тысячи пятом году ко мне пришла встревоженная женщина по фамилии Соловьева и сказала, что у нее пропал племянник. Обычный парень, положительный. Он у нее был единственный близкий человек. Она обратилась во все правоохранительные органы, но никто мер не принимал. Я стал ей помогать. В результате все как-то сдвинулось.

Стали заниматься. Поняли, что парень убит, и даже приблизительно догадывались, кто убийца, но тело не нашли. Дело возбудили, но толком расследовать никто не стал, время прошло, улики исчезли, и дело похоронили. Она ходила по инстанциям, но ничего не могла добиться. Пришла ко мне. Мы включились изо всей силы. Вмешалась прокуратура. Всем напинали, дали по шее – выговоры, неполное служебное, депремирование и т. д. Все забежали. Что-то стронулось, потом опять заглохло. Она снова пришла ко мне. Я написал кучу запросов. Всем опять напинали. Потом опять все заглохло. Она опять пришла ко мне. Я договорился, что ее примут в окружной прокуратуре и лично примет начальник ГУВД. Снова все стронулось с места. А так как работать никому неохота, а убийство, не раскрытое по горячим следам, вообще маета, – опять все заглохло. Мы, как могли, снова качнули, уже через Генпрокуратуру, Администрацию президента – опять все забежали. Потом опять заглохло.

И вот две тысячи одиннадцатый. Она снова пришла. Она все правильно делает. Она не может смириться. Систему от нее уже просто колбасит. Ее никто не хочет принимать. Они извели на нее тонны бумаги. Они отточили свои отписки до виртуозности. Они наполучали из-за нее подзатыльников и оплеух. Но они и дальше будут врать. Чего было проще отработать по горячим следам и раскрыть преступление! Но это надо не спать ночами, сидеть в засадах и мокнуть под дождем. А они, похоже, не за этим сюда пришли, и врать им проще и привычнее.

Чем человека мурыжить, дали бы официальную бумагу, где сказали бы следующее: «Мы, сотрудники правоохранительных органов, занимавшиеся вашим делом и живущие на деньги налогоплательщиков, работать не умеем, не хотим и не будем, и вообще отъебитесь от нас!» – так бы было гораздо честнее.

И вот мы сидим снова, поднимаем все документы и думаем, что делать дальше. Эта скромная, уставшая женщина вызывает у меня уважение.

Что делать-то?

И снова пришла ко мне эта женщина. Она поседела и постарела. За две тысячи одиннадцатый – две тысячи двенадцатый годы она написала во все инстанции сто сорок четыре обращения. Причем все конкретные, по делу. За это время дело несколько раз прекращали, приостанавливали и вновь начинали. Все это время бедная пожилая женщина помогает системе, собирает доказательства, просит, уговаривает, заставляет систему возбудиться и что-то сделать. Система раздражается, злится и проделывает огромный объем побочной работы, чтобы не выполнять свои прямые обязанности!

Но женщина эта будет писать, ходить, записываться на прием, стучаться во все двери и не отступится. И все начальники всего не смогут смотреть ей в глаза. От нее будут бегать, прятаться и скрываться, потому что им стыдно и неловко. Но работать они все равно не будут.

Но она все равно не остановится. Я уважаю эту женщину, и мне жалко ее до слез.

09.02.2013

Мужик заходит.

– Слушай, – говорит, – Женя, я к тебе по делу. Может, поможешь чем.

– Ну, говори.

Отвечает:

– Работа нужна. Я сам с Бутки, работы никакой, четыре пилорамы. В Талице тоже работы нет. Все закрывается.

Я спрашиваю:

– Что ты умеешь делать?

– Да все, что надо. Ельцин моя фамилия...

Я засмеялся:

– Родственники, что ли?

Он говорит:

– Ну да.

Позвонил Юре Потапенко:

– Посмотри, может, сумеешь чем помочь?

Вроде решили.

Я говорю мужику:

– Там люди нормальные, но зарплата невысокая, тысяч пятнадцать.

Он только плечами пожал.

– Да ничего, мы, Ельцины, люди скромные...

12.02.2013

Когда я был депутатом Госдумы, у меня на Белинского, 19 на протяжении четырех лет каждый день с утра до ночи работала приемная. Люди шли не переставая. Порой у нас даже стояла очередь от крыльца до второго этажа, и мы работали всегда до последнего посетителя. Двадцать человек нас было – юристы по уголовке, юристы по гражданским делам, специалисты по ЖКХ, по социалке, по медицине, по пенсионерам. Самые разные вопросы приходилось решать. И вся команда наша собралась с улицы. Кто-то отсеивался, кто-то приходил. Но все, кто остался, работали по-честному и в полную силу.

Однажды сижу работаю, полный коридор народу. Вдруг какая-то возня, недовольство на повышенных тонах, и заходит человек.

Люди сердятся: «Он без очереди! Без очереди!»

А я смотрю, это мой товарищ из прошлой жизни.

Он говорит:

– Я на секунду, – и дает мне конверт с деньгами. – Тут, – говорит, – тридцатка. Мало ли что, может, кому-то из пожилых помочь надо будет. Сам смотри, распоряжайся.

Я поблагодарил его, положил деньги в правый ящик стола и сижу работаю.

Заходит женщина. Уставшая, придавленная, волосы гладко зачесаны и забраны на затылке. Села напротив меня и расплакалась. Я давай ее успокаивать, а она плачет всерьез и повторяет:

– Нет, я не верю! Я не верю! – И смотрит в глаза.

Спрашиваю:

– Что случилось-то?

А она говорит:

– Я не верю, что вы взяли за это с меня тридцать тысяч рублей!

– Какие тридцать тысяч?! За что?!

– Ну за то, что написали ходатайство начальнику колонии, чтобы моего сына отпустили по УДО!

Я еще ничего понять не могу: какое ходатайство? Какое УДО?! Какие деньги?!

Она говорит:

– Да вот у вас там внизу-то адвокаты сидят. Они взяли с меня тридцать тысяч и пообещали, что за эти деньги вы напишете ходатайство. А сына не отпустили, а деньги у меня были последние! Но я не верю, что вы могли так сделать. Ведь если бы вы деньги взяли, вы бы ходатайство точно написали!

И я вдруг вспомнил, что пару месяцев назад ко мне пришел один адвокат, с ним бывший сотрудник и еще один знатный общественник и сказали, что хотят помогать и будут оказывать бесплатные консультации нуждающимся. Мы их посадили там внизу, в уголке. Тут я все понял. У меня от ужаса обнесло голову. До меня дошло, что эти подонки убедили бедную женщину, что я требую деньги за это ходатайство, и она поверила. У меня и так-то, кроме имени, ни хрена нету, а тут еще эти скоты за свои вонючие тридцать сребреников и это пытаются отнять.

Я открыл ящик стола и говорю:

– Вот ваши деньги, они мне отдали и просили перед вами извиниться. Они так больше не будут. Поверьте.

А она всхлипывает еще и говорит:

– Я хотела вам в глаза посмотреть. Я должна была убедиться, что вы так не сделаете.

Я успокоил ее, погладил по плечу, проводил, вернулся в кабинет, уставился в стену и хотел заплакать. Но не смог. Зато увидел саблю и понял, что я должен сделать.

Я снял ее со стены, выдернул из ножен, вздохнул и пошел вниз их убивать.

22.02.2013

Пришел мужик с маленьким ребенком. Совершенно вменяемый, думающий, но очень злой. И немудрено: сделал ремонт в квартире своими руками, полы настелил, а наверху таджики у кого-то ремонтировали, вентиль открыли и ушли. Ночью дали горячую воду. Полная Ниагара. Жена его утром побежала таджиков стыдить, а один, самый дерзкий, зашел сзади и заехал ей в ухо! Мужик побежал за топором. Пока бегал, таджики заперлись и вызвали подмогу. Через пять минут на двух машинах подъехали. А соседи, слава богу, у мужика топор отняли.

05.03.2013

Впервые сталкиваюсь. Парню тридцать четыре года. Работал программистом в известной рекрутинговой и консалтинговой компании. Зарплата – двадцать тысяч. Компания разделилась. Та половина, в которой он работал, осталась без клиентской базы. Его попросили написать программу. Он эту программу написал. Работал и на работе, и после работы, вкладывал душу и энергию и сделал. И считал эту программу своим продуктом. Компания жила, зарабатывала деньги, он получал двадцать тысяч, и через какое-то время другая компания обратилась к нему с аналогичной просьбой – написать программу. Он написал, за основу взяв предыдущую. Хозяин взвыл и написал на него заявление.

Расследование шло долго, никто не понимал, что делать. В конце концов дали ему три года условно и штраф семь миллионов. А он из области, с женой и маленьким ребенком живет в родительской квартире. Ну, не заработал еще. Получать с него нечего. Но бывший хозяин мотивирует судебных приставов, и они все время стоят над душой. А на работу устроиться тоже не получается – иди попробуй с таким бэкграундом. И вот он, совершенно загнанный, пришел ко мне.

Стали думать. Ставлю себя на место его хозяина: человек у меня работает, получает зарплату, что-то там копошится в моем офисе, на моем компьютере. У меня в это время не самые лучшие дела, надо как-то поднимать фирму, кредиты выплачивать. Еле-еле на ноги встали, и тут на тебе, такой удар! Конечно, обидно.

С другой стороны, зарплату парень получал копеечную. К такому ценному сотруднику, который одним движением мог поднять компанию или запустить ее под откос, можно было и повнимательней отнестись. Кроме того, в суде доказано, что разработка программы не входила в его должностные обязанности. Он искренне считал продукт своим.

Все равно надо встречаться и разговаривать. А как разговаривать? Тот считает, что его обокрали, а этот видит, что ему жизнь сломали. Один разговаривает как хозяин и победитель, а другой, хоть и наемный работник, считает себя свободным человеком и знает, что он прав. При этом срок висит, приставы над душой стоят, а за спиной жена с маленьким ребенком.

17.06.2013

Женщина пришла. Хорошая, интеллигентная тетка. Две дочери у нее. Старшая успешная, а младшая – наркоманка. У этой наркоманки дочка восьми лет. Хорошая девочка, очень любит маму, а мама колется крокодилом, и ноги у нее уже как у слона и кисти раздуло (из опыта, это уже обратно не делается, и все движение только в одну сторону). Она живет с каким-то пересидком, тащит из дому, но ключ у нее забрать не могут, потому что дочка. Таскает свою дочку по притонам и вообще держит около себя. А квартира у них четырехкомнатная. Мать продала старую двушку, старшая дочь добавила денег, и мать добавила, и купили четырехкомнатную. Мать оформила всем по равной доле. А сожитель посоветовал дочери-наркоманке, чтобы она потребовала половину квартиры. Та потребовала. Причем очень жестко, а потом по-семейному добавила: «А если не отдадите, я вас закажу».

И вот сидит, а я вижу, что она переживает не за квартиру, а за то, что дочь закалывается и внучку от себя не отпускает и ею спекулирует.

01.07.2013

Дядька приехал, пожилой уже. Сыну двадцать семь лет, поздний ребенок, подсел на курительные смеси, всю кровь выпил. Крыша съехала, а психушка не берет. Говорят, он наркоман. А наркологи не берут, потому что псих. Мечется по квартире, ищет скрытые камеры, выдергивает из сети все приборы, и холодильник тоже, а тут как-то схватил монтировку и расхлестал всю отцовскую машину, но он же не виноват, что там чертики на лобовом стекле сидят и ему рожи корчат. И отец, когда уже от машины мало что оставалось, схватил другую монтировку и влупил ему в башку. Он так-то хотел по плечу попасть, чтоб рука отстегнулась, но разнервничался и попал прямехонько в лоб. Спрашиваю: сильно попал? Он говорит: не то слово! Монтировку чуть не погнул, в руку отдалось. Его, говорит, на месяц в больницу положили, так мы так с матерью зажили хорошо! Так я вот, думаю, может, раз в месяц бить ему монтировкой в лоб, отправлять в больницу да и жить по-человечески?

А я вдруг вижу, он на полном серьезе говорит!

05.07.2013

Пришли целой семьей. Мама, бабушка, папа и сын-подонок. Причем сын уже овощ натуральный, но такой самоуверенный овощ. А я наверху сидел, с ними Лена разговаривала. Она, как человек военный, четко поставила вопрос о диагнозах. Ей также по-военному доложили, что у подонка диагноз – шизофрения. И Лена честно сказала, что с шизофренией мы взять не можем. Подонок даже не отреагировал, он выше этого. Зато мама с бабушкой вздохнули с облегчением, подхватили его и повезли домой испивать свою горькую чашу до дна. А отец остался и сидит молчит. Я спустился, увидел его и говорю: «Что случилось?» Он мне начал рассказывать, губы скривились, отвернулся, попытался дальше говорить, не смог и зарыдал. Стоит здоровенный мужик, плачет, всхлипывает, как ребенок, и плечи трясутся...

Успокоил как мог, попросил рассказать, хотя зачем мне его рассказ, я сам могу за него рассказать. Он пытается бороться за сына, но против него мама и бабушка. Бабушка уверена, что это просто дурное влияние улицы, и подсовывает внуку деньги на карманные расходы, но делает это тайком от матери. А мать тайком от своей матери тоже дает сыну деньги и надеется, что тот поймет, кто ему роднее. Делают они это втайне от отца, который пытается сделать так, чтоб у сына не было денег на покупку наркотиков. А подонок настолько продуманный, они для него пластилиновые – что хочет, то и лепит из них. Когда он в очередной раз умирал, обкурившись, вызвали скорую, отец говорит врачам: «Он обкурился!» Мать с бабушкой: «Мальчик перегрелся на солнце».

Короче, доигрались, его увезли в токсикологию с передозировкой, оттуда уехал в психушку и получил красивый диагноз: шизофрения. Ему нравится. Сидит дома и курит. Как-то раз украл у отца деньги. Отец, не выдержав, надавал ему подзатыльников, он пожаловался маме с бабушкой, и те написали заявление в милицию. На кого? Да на отца, конечно, не на него же.

Ну, в общем, сказал я мужику, что сумеем помочь. Он побежал за ними, привел, они оказались ровно такими, как я представлял. И я полчаса, выключив телефоны и отгородившись от всего мира, ломал их представление о происходящем. Тяжелейший разговор. А потом позвал Игоря, и мы им четко разложили алгоритм, как его вытаскивать.

И вот прошло несколько часов, он уже в психушке. В день выписки будем ждать. Игорь пообещал родителям, что заберет его в Быньги. А шизофрения эта проходит где-то на четвертый месяц, мы уже много раз видели. Умники сейчас, конечно, скажут, что шизофрения не проходит, на что я отвечу: это и не шизофрения вовсе, это в диагнозе так написано.

23.08.2013

Женщина рассказывает. Дочка вышла замуж за какого-то Сергеева. Фирмочку сколотили: «Линия судьбы» – прогнозы, предсказания, парапсихология, короче, колдуй, баба, колдуй, дед. Потом слиняли в Таиланд. А перед этим попросили женщину подписать какие-то бумаги. Ну, она подписала, а что: дочь просит. Оказывается, это были документы о продаже квартиры в пользу мужа дочери! И вот этот таиландский умник, дождавшись, когда истечет срок подачи искового заявления, оставив жену в Таиланде, приехал в Екатеринбург и официально тещу уведомил телеграммкой типа: мама, я вас очень уважаю, но закон есть закон, прошу освободить мою жилплощадь. Женщина, конечно, в ужасе от такого коварства. Но, когда узнала, что этот Сергеев проделал такой же фокус со своей крестной мамой и оставил ее на улице и что в данный момент вышибают двери у его родной матери и пытаются выселить на улицу, она и вовсе успокоилась. Потому что поняла, что она не одна, и пришла ко мне. Жалко тетку. Она вообще не понимает, как это могло произойти. Говорит: «Женя, но ведь это же подло!»

30.08.2013

Русская семья, жили в Узбекистане, затем решили вернуться на родину. Трое детей, девочки, старшая в восьмом классе, младшая в первый идет, с две тысячи десятого года не могут получить российское гражданство (это еще недолго!). Не сумели предоставить в налоговую справку НДФЛ, не выходит у них по семь тысяч на человека, поэтому им отказали в гражданстве. На самом деле таких историй много, и это при повсеместной пропаганде – «своих не бросаем!». Зато Депардье у нас теперь русский.

03.09.2013

Зашли хорошие люди, у них тринадцать (!) детей. Квартира в Кольцово из двух – трешки и однушки. Полезной площади шестьдесят девять квадратных метров. И дети-то все хорошие! Вся квартира заставлена грамотами, кубками, почетными призами за самые разные заслуги. А ими все пользуются – на всяких митингах, официальных встречах, дескать, многодетная, благополучная семья и бла-бла-бла. Они много лет везде пишут, чтобы им дали квартиру побольше, а власти им отвечают: «Вам уже квартиру дали и машину дали, успокойтесь уже!» Пришли ко мне и смеются: «Квартиру нам никто не давал, – говорят, – мы сами строили. А про машину из ответа узнали. Пусть теперь расскажут, кто на ней ездит!»

04.10.2013

Парень, сирота. Воспитывался в 10-м детдоме на Metallургов (сейчас детдом № 7). Государство по закону обязано обеспечить его жильем. Жильем его не обеспечили и отправили в армию. Он отслужил полтора года, вернулся и устроился на работу. Между делом пытался получить жилье. Суды выигрывал. Суды принимали решение обеспечить его жильем и направляли соответствующую бумагу в правительство области. Из правительства области шла бумага в город: выдайте! Из города отвечают: выделяйте, сразу же выдадим. Возникает пауза. Потом снова обращение в суд и снова то же самое.

Парню двадцать шесть лет. Здоровенный непьющий парень. В паспорте ни регистрации, ни прописки. Самому смешно. Работает электриком в хорошей конторе. Работает хорошо, поэтому на ситуацию все глаза закрывают.

Пришел с женой. Видно, что дружные, но детей не заводят по причине отсутствия регистрации и жилья.

11.10.2013

Сию в пятницу на приеме. Людей человек сто собралось. Пытаюсь вникать. А там все телефоны обрывают: Маленкина задержали, Серегу Колесниченко на суд повезли. Одновременно Мишу Ратковского на допрос вызвали. А тут еще Женькина мама ко мне пришла, да Серегина мама звонит, да еще из университета сообщают: оказывается, на днях моего ректора допрашивали и моего научного руководителя. Мало того, из университета выгребли все мои документы, учебные тетради, диплом и даже сочинение нашли, которое я писал в восемьдесят четвертом году на вступительных экзаменах!

Ну что, работать-то надо. Никто ж не обещал, что будет легко.

К слову, все дела в отношении меня начинались громко, с пресс-конференций и публичных заявлений, а заканчивались тихо и незаметно.

18.10.2013

Заглянул Серега Котов, адвокат, поэт и экстремист. Адвокатом он был настоящим, поэтом искренним, а экстремистом по убеждениям. Напечатал какие-то листовки типа «Спасем Россию» – ну и отсидел четыре года от звонка до звонка. А он реально хороший парень, я его знаю еще по ДК «Автомобилист». И ему надо снова получить статус адвоката. Похлопочу. Он мне говорит: «Женя, у меня есть идея. Надо прямо напротив здания областного суда поставить памятник невинно убиенному Георгию Хабарову». Ну, которого расстреляли по делу маньяка Фефелова в восемьдесят четвертом году. Маньяк Фефелов на каждые Первомайские праздники насиловал и убивал женщину. А Хабарова по этому делу задержали, осудили к высшей мере, и он до самого расстрела кричал, что невиновен. Но кто его станет слушать. И еще один мужик, задержанный по этому делу, в камере повесился. Только потом Фефелова поймали. Я считаю, обязательно надо памятник поставить. Пусть смотрят из окошек, о жизни думают. Серьезная идея. Фефелова убили в камере, инициировав самоубийство через повешение.

25.10.2013

Сложный прием был. С самыми разными бедами люди идут.

Целая делегация из пожарной охраны – пришли за товарища заступаться. Говорят, деньги МЧС выделяются огромные, а до подразделений ничего не доходит. Техника вся старая, ломается, работать не на чем, у инструктора-водителя, когда тушили лесные пожары, в жару стукнул двигатель на 131-м ЗИЛе. Спасал он его как мог: и печку включал по жару, и капот приоткрывал на ходу, но не спас. Его дернули начальники и говорят: «Ну все, тебе капец! Технику угробил! Дай сто сорок тысяч, похлопочем за тебя! Да не в кассу, дурак, сюда давай!» Мужик, естественно, возмутился, уперся, пошел на конфликт, и с него вычли двадцать восемь тысяч, что для него на тот момент было равно зарплате. И вдруг все сослуживцы не побоялись и встали на его сторону.

Потом пришли простые мужики, рабочие ВИЗа, представители ГСК. Решение о строительстве их гаражного кооператива было принято в семьдесят девятом году. В восемьдесят третьем приступили. В аккурат в перестройку закончили. Потом у стороннего застройщика появился интерес к этим гаражам. Перекупили председателя ГСК. Произошел раскол. Началась война. Ломали ноги, пробивали головы. Один умер прямо в суде от инфаркта. Короче, гаражами никто пользоваться не может. Но и застройщику ничего построить не удастся. Дело совершенно мертвое, я им занимался еще десять лет назад. Два грузовика бумаг по этому делу, и нет ни одной инстанции, куда бы эти люди не обращались. Не знаю, чем помочь. Только садиться разговаривать. Но там ненависть зашкаливает.

Женщина зашла. Прописана у сестры в доме под снос. Требуют выписаться. А у нее три дочери – старшей двадцать шесть, средней пятнадцать, а младшей шесть. Ни на что не претендуют, просто боятся остаться без регистрации.

– А где живете? – спрашиваю.

– В садовом домике.

Попробую помочь.

И за ней сразу же другая женщина, с дочерью. Была двухкомнатная квартира на Донбасской. Понадобился кредит. Потребовали квартиру в залог. Брала двести пятьдесят тысяч. На руки дали сто восемьдесят пять. Деньги вернула в срок. Через некоторое время выяснилось, что квартиру она продала. Вот так, двушку за сто восемьдесят пять тысяч! Естественно, все сроки исковой давности вышли. Единственный ход – через возбуждение уголовного дела по мошенничеству. Это, к сожалению, не единственный случай.

Заходит мать. Плачет. Сын написал отчаянное письмо с зоны. Он не может матери до конца рассказать, что там делали с ним и с другими. Но от того, что написал, мороз по коже. Знает, как убивали людей руками заключенных и ставили диагноз «сердечная недостаточность». Называет даты и свидетелей. Просит спасти. Готов официально давать показания. Занимаемся. Ситуация серьезная. Все суммирую и передам в ФСБ.

Потом были люди с Уралмаша, с Бакинских Комиссаров. Муниципалитет изымает частные дома под расширение дороги. Люди считают, что на самом деле – заказ застройщика. Для всех это родные дома, ветераны Уралмаша, жили там с сороковых годов. За сорок квадратов жилой площади и шесть с половиной соток дают миллион семьсот. Спрашивают: «Куда мы за такие деньги?» Вообще, эта история мне не очень нравится, начинаем разбираться.

И следом подобная же история с Викулова. Частный дом. Две половины на четыре семьи. Женщина приехала из области, вышла замуж. Поселилась с мужем в начале девяностых. Одна дочь родилась в девяносто шестом, а потом муж умер, и она вступила в наследство: ей – 1/36 и дочери 2/36. А вторая дочь родилась уже после смерти мужа. Ей ничего. И вот дом изымают под расширение дороги. Всех выселяют. Дом официально оценивают. Делят на тридцать шесть

и умножают на три. Она получает пятьсот сорок тысяч рублей и с семнадцатилетней и четырехлетней дочерьми идет на улицу. И никакого другого жилья у нее нет. Вы будете смеяться, но все по закону. По опыту, такие вопросы надо решать здесь и сейчас. Что и сделали.

Потом пришли люди и рассказали историю, как бойкие риелторы споили владельца квартиры, и тот, не приходя в сознание, квартиру им продал. Родственники нашли его уже на помойке. Подали в суд. В дело включился серьезный адвокат. И сумел доказать, что деньги не передавались. Суд признал этот факт. В решении было сказано, что деньги действительно не передавались, но это не является основанием для того, чтоб отменить сделку. Во как!

Следующей была женщина, у которой сына изуродовало на производстве. Инвалидом остался. Пошли с предприятием на мировую, ему должны были выплатить семьсот шестьдесят тысяч рублей. Им, бедолагам, показалось это огромной суммой. Но и этих денег им никто не дал. С понедельника займемся всерьез.

Зашел слепой парень. Олег. По образованию историк, причем хороший историк. Работает массажистом. Никогда ничего для себя не просит и всегда ходит за других. А поскольку человек сильный, хорошо держится и умеет излагать свои мысли, всегда добывается результата. С ним приятно работать. В этот раз принес обращение с просьбой снабдить ряд светофоров в оживленных местах звуковым сигналом для незрячих. Думаю, сделаем.

Еще приходили представители общественной палаты с большим списком улиц, которым надо возвратить исторические имена. Ну, например, улицу Малышева переименовать обратно в Покровский проспект. Я считаю это справедливым. Но опасаясь катнуть этот камень с горы. Если это делать, то очень спокойно и постепенно.

Затем ввалилась толпа художников – Лева Хабаров и все остальные. Хозяин помещения на Пушкинской, где они сидели, их выселяет, и художники считают, поскольку они городу очень нужны, город должен выкупить это помещение за десять миллионов, чтобы они, художники, сидели там и картинку красили. А им попробуй объясни – художники они же как дети, обижаются еще. Предложил им следующее: разработать концепцию музея уральского андеграунда и поискать какое-нибудь убитое помещение в аренду, и тогда я помогу им его отремонтировать и еще своих там пару сотен работ свердловских художников семидесятых – девяностых годов. И вдруг понял, что мне не жалко картинок. Пошли думать.

И снова женщина. Мать троих дочерей. Серьезный научный работник. Когда-то, не подумав, приватизировала четырехкомнатную квартиру на одну из дочерей. Сейчас дочь с мужем ее на восьмом десятке по суду выселяют. «Извините, – говорят, – мама, это наша квартира!» Она говорит: «Да как же она ваша, это же я ее получила!» – «А это вы, мама, уже будете в суде рассказывать...» И вот пришла оглушенная. «Вы же, – говорит, – меня не бросите?»

Следом семья, четыре человека. Столкнулись с незаконной застройкой на землях ИЖС на Орловской. Продали комнату в коммуналке. Продали машину. Купили однокомнатную студию на четверых. Такие довольные, а тут на тебе – выселяют! Говорят: «Всю жизнь в коммуналке живем!» Так хотелось пожить по-человечески. Видно, не судьба.

Потом пришел пожилой человек, больной совсем. Тридцать первого года рождения. Приехал из Казахстана четырнадцать лет назад и не догадался получить статус вынужденного переселенца. Жена умерла, живет с дочерью и внуком в садовом домике. Стоит в очереди на жилье. Тысяча пятисотым. Без просвета. Смотрим, может, хоть по медицине как-нибудь поможем.

А дальше я перестал записывать. Потому что уже сложно было сосредотачиваться.

После приема я, очумевший, вышел на улицу и пошел домой пешком. Вдруг смотрю, какая-то девочка маленькая идет, тонкая и светлая, и улыбается. И у меня такое ощущение, что я эту девочку где-то видел. А она подошла ко мне и обняла. И я вдруг вспомнил, где я ее видел! Это моя дочка Женя, я ее утром в школу отводил.

01.11.2013

С утра идут разные люди. И предложения тоже разные. Например, один очень серьезный мужчина разработал серьезную концепцию, которая поможет Прохорову разбогатеть. Просит передать Михаилу лично в руки. А еще более серьезный мужчина, физик, озабочен глобальным потеплением и принес проект масштабной приостановки таяния арктических и антарктических льдов. Тоже просит передать Прохорову. Я увел его в кабинет и честно ему сказал, что Прохорову этот проект не потянуть. Решить это может только Путин, и подробно рассказал, как пройти в приемную. Потом пришла женщина, вокруг которой всех убивают, и ей по этому поводу необходимо попасть на прием к Бастрыкину. Дал адрес. И это не очень смешно, потому что идет напряженный рабочий день и вокруг сто миллионов неотложной работы. И вдруг на этом фоне взрывается телефон, Саша снимает трубку, слушает и испуганно передает мне:

– Евгений Вадимович, тут вас спрашивают.

– Кто?

– Не знаю. Говорят, из космоса!

Оказалось, действительно, из «Космоса». Из концертного зала. К ним «Табакерка» привозит «Трамвай “Желание”». Приглашают.

08.11.2013

Пришли родители из 77-й школы. Это хорошая старая школа на Уралмаше, на Кузнецова. Вы будете смеяться – в ней нет спортзала. Будем заниматься, но в Свердловской области есть еще школы, в которых нет спортзалов, а в России много таких школ. Если бы сэкономить на Олимпиаде немножечко денег, можно было бы в школах России построить все недостающие спортзалы, а на сдачу для каждой школы построить по плавательному бассейну.

15.11.2013

Вот ситуация, которая меня сильно поразила. На Нагорной люди два дня сидят без горячей и без холодной воды. Водоканал может решить проблему в течение нескольких часов, но для этого им надо, чтобы их пустили в квартиру тридцать девять. А хозяин этой квартиры сказал: «С чего это вдруг я их пушу?! Еще натопчут!» И весь дом уговаривает этого чистюлю. А там уже на стеклах иней намерз, в валенках все ходят и буржуйки мастырят.

Похожая история была летом. Тогда целая делегация пришла. Девятиэтажный дом. Тридцать лет не меняли трубы. И вот сподобились. Жители счастливы. Отключили стояк. Все старые, сгнившие трубы вырезали. Работа идет полным ходом. И вдруг... стоп! Не из тучи гром! Жилец пятьдесят восьмой квартиры впустить сантехников отказался: у меня, говорит, все в порядке, вы уж как-нибудь без меня. Сантехники удивились, жильцы расстроились. Первая неделя без воды. Нервы ни к черту. Пахнет ужасно. Поймали несговорчивого соседа в подъезде, напихали, показали руку до локтя. Сосед обиделся: х... вам, а не ремонт!

Прошел месяц. Весь подъезд не моется. В унитазах тоже не смывают. Да и зубы, в общем-то, не чистят. А как, спрашивается? Пол помыть – и то не получается. Начинают понемножку привыкать. Самые отчаянные пишут письмо в прокуратуру, дескать, призовите соседа к порядку! Получают хладнокровный ответ: что-то о священном, неотъемлемом праве на неприкосновенность жилища.

Пришли к нам сдаваться.

Созвонился с прокуратурой. Сказали, что это второй случай. Подсказали ход.

Маленкин позвонил упряму. Он говорит:

– Вас знаю, Женю знаю, уважаю. Но дверь сантехникам не открою! И соседи пусть больше не подходят!

Маленкин спрашивает:

– Почему?!

– Потому, что я на них обиделся! Зачем они обзывались?

Но соседи еще не такие бывают.

Люди купили у застройщика квартиры на четвертом этаже, причем те, кто покупал на первых трех этажах, заселились нормально. А те, кто купил на четвертом этаже, – помещения еще не были введены в эксплуатацию, а застройщик попал под банкротство. Жителям первых трех этажей сказали, что если люди не успеют на четвертый этаж заселиться, то этот четвертый этаж по праву достанется жителям первых трех. И, представляете, они не дают соседям на четвертый этаж заселиться. Обрезают провода, толкают спички в замки, выживают любым способом. А те, кто с четвертого этажа и купил эти квартиры, не ожидали от соседей такой подлости и просто плачут. Вот так вот. Удивительные люди! Чужой четвертый этаж дороже вечной жизни.

22.11.2013

Жители недавно обратились. Опалихинская – Черепанова, там между домами еще в восемьдесят седьмом аллея была заложена, а потом люди еще яблонь сами насадили. И красиво так у них получилось и ладно... Вдруг – не из тучи гром! – какие-то злые люди стали ставить бетонный забор. Мы тут, говорят, будем развлекательный центр строить. О, как обрадовали! Жители возмутились, собрали восемьсот пятьдесят подписей против строительства и пришли ко мне. А мне точечная застройка, она же «уплотнительная», претит как явление. Потому что людям жизнь отравляет. К тому же, я считаю, на территории промышленного города нельзя трогать ни одно дерево. Я, естественно, включился в работу, а жителей предупредил, что стройку остановить можно, но только до того момента, пока она не началась. Если из земли поднялся хоть один этаж, стройку уже никто не остановит.

И вот люди с горящими глазами принялись отстаивать свой сквер. Застройщик тоже активизировался. Он эту площадку купил и в полном своем праве. Строители подъезжают с охраной, жители окрестных домов тут же вываливают на улицу, ну и дошло там чуть ли уже не до рукопашной. Дима Головин, депутат, туда помчался. Приезжает и говорит: «Беда, там все всерьез! Надо бумагу какую-то, жителей успокоить и застройщикам показать. И в районный отдел полиции тоже надо, чтобы выехали, кровопролития не допустили». Звоню главному архитектору города, говорю: «Михаил Борисович, что там у нас по Опалихинской?» Говорит: «Все нормально, провели совещание, там куча вопросов, принято решение о приостановлении всех работ, так что решение есть, официально принятое». Я тут же написал об этом жителям и начальнику ОП, и Дима тут же увез. И все решилось мирно, никто никого не побил, подъемный кран не сожгли и яблони не переломали. Я сижу такой довольный, все-таки сумели людям помочь.

Дмитрий Головин, простодушный человек, выложил всю эту историю в фейсбуке. А потом кто-то из журналистов настроил статейку, по сути донос, причем понимая, что делает. Я-то такого не читаю, а прокурорские любят. И вот пришло грозное требование из прокуратуры: немедленно объясниться, поскольку в СМИ появилась публикация. Мне, чтобы что-то объяснить, надо сначала прочитать, но поскольку я человек брезгливый и всякое говно не читаю, в отличие от них, то и объяснять мне нечего. И читать это я не стану ни при каких обстоятельствах, даже по требованию суда. Завтра на заборе что-нибудь напишут, и прокурорские снова прибегут и объяснения потребуют. Государево око! До уровня мышей. Самим-то не совестно?

И вот вчера приехал строгий прокурор и целый час меня опрашивал, насколько понимаю: ведут проверку по доносу, размещенному в СМИ, в целях наковырять превышение полномочий. При возбуждении уголовного дела и обвинительном приговоре следует отрешение от должности, вот и суетятся. Я для себя уже давно уяснил: для того чтобы не превышать должностные полномочия, есть только один способ – ничего не делать. Мне кажется, что они этого и добиваются.

Вот пример. Пришла на прием бабуля под восемьдесят, плачет: кто-то перерезал провода, и сидит она несколько дней без света. Даже обращение не стали принимать, поехали да сделали. Теперь думаю: точно превышение. Интересно, потянет на статью?

PS. Через четыре года женщина с Опалихинской зашла, улыбается и говорит: «Все нормально, яблони зацвели». И я всю эту историю вспомнил.

29.11.2013

Осенью две тысячи седьмого года к нам пришел совершенно подавленный парень с ЖБИ. Когда-то его мать заняла триста тысяч рублей у одного человека, который, пользуясь случаем, попытался отжать у нее квартиру. Угрозами и шантажом он добился от женщины дарственной. Потом выкинул ее вместе с сыном из квартиры и стал там жить. Женщина пошла по всем инстанциям и через некоторое время ее нашли убитой. Сын похоронил мать и тоже попытался вернуть квартиру. Ему разбили голову топором в подъезде, еле выжил. И он, став на ноги, пришел к нам. А мне оставалось быть депутатом до декабря.

У меня была помощница Ольга Казимировна, очень спокойная и структурированная женщина. Я посадил их с Димой, натуральным бомжом, и сказал ей: «Ольга Казимировна, для меня это дело принципиальное, давайте попытаемся восстановить справедливость». Мы все просчитали, сделали несколько серьезных депутатских запросов, подняли всех, и дело стронулось, я сделал все, что мог, но срок моих депутатских полномочий закончился, на меня навалилась другая жизнь, и я потерял этого парня из виду.

И вот две недели назад веду прием, заходит повзрослевшая Ольга Казимировна, я обрадовался и говорю:

– Ольга Казимировна, привет!

Она отвечает:

– Я по делу. Мы же с Димой суд выиграли. Отвоевали квартиру. И сейчас у нас задача – туда его вселить. Есть решение суда.

– Ну, давайте попробуем помочь. А когда решение суда вступило в силу?

– Еще в две тысячи десятом.

– И что, вот так четыре года судебные приставы не могут вселить человека в его квартиру?!

– Ну видишь, не получается.

А надо сказать, что Дима этот – человек безобидный да еще и жизнью придавленный. Таких, как он, каждый обидеть норовит. Ну, в общем, мы ввязались. Степа стал заниматься и просто звонками договорился с судебными приставами, и парня вселили в его квартиру, которую отняли двенадцать лет назад. Все получилось.

А я потом спросил:

– Ольга Казимировна, как так получилось, что вы семь лет это дело вели?

Она удивленно посмотрела на меня и говорит:

– Женя, так ты же сам мне сказал, что это дело очень важное и его надо довести до конца.

И у меня аж комок к горлу подкатил, как будто только что прочитал «Честное слово» Пантелеева и понял, что это я забыл маленького мальчика на посту.

06.12.2013

Ближе к вечеру пришла женщина, тридцать шестого года рождения, семьдесят восемь лет. Жила в селе Софиевка в Днепропетровской области. Помнит, как пришли немцы, все горело вокруг. Почему-то перед немцами шли полчища крыс потоком, как река текла. Видимо бои вспугнули. Жили под немцами, помнит в деталях – голод, голод, голод. Всю жизнь боялась голода. Мать убили. Помнит, как немцы уходили восьмого октября сорок третьего года, был страшный снегопад, и они бежали по грудь в снегу. На голову надевали кальсоны и штанины заматывали на шее.

Зовут ее Клавдия Ивановна. Детей нет. Еще маленькая, когда все горело вокруг и волосы трещали, разбила тонкий лед и сидела по горло в ледяном пруду, чтоб не сгореть. Догадалась. Мужу за восемьдесят. На двоих пенсии двадцать тысяч. Ни на что не жалуются. Льготами не пользуются и никогда ничего ни у кого не просили. Живут за счет сада, ездят с апреля и до октября. И вот просто стало дорого ездить в Решеты.

Вслед за ней вошла хорошо одетая женщина. Жила одна в трешке, а дочь ее в своем доме, который ей достался от бабушки с дедушкой. Дом сгорел. Застрахован не был. Дочь с двумя детьми переехала к ней. И вот она пришла просить, чтобы город дал им квартиру. Я ей сразу сказал, что шансов нет. Она долго настаивала, объясняла, что им не хватает места. При этом внучке двадцать четыре, а внуку тридцать два. Она продолжала на меня давить, а я глаза отвел и тупо слушал.

13.12.2013

Приехал Виктор Васильевич из села Конево, у него нет обеих ног, он на такой маленькой тележке. Работал водителем-дальнобойщиком, тромбофлебит, ампутировали ноги. Он в силу обстоятельств остался без жилья. Мы созвонились с мэром Невьянска, договорились, что ему опустевший ветхий дом в Быньгах дадут, а наши парни его отремонтируют. Он выкатился из кабинета, а там лестница. Я вышел его провожать, тут подошли к нему люди, попытались взять его под мышки и помочь. Он подкатился к лестнице и очень спокойно сказал: «Спасибо, я сам справлюсь». И видно, что для него это принципиально. Именно поэтому мне нравится ему помогать.

20.12.2013

Тяжелая ситуация. Вдова пришла с двумя детьми. Муж погиб на производстве на трансформаторном заводе, погиб страшной смертью: барокамера захлопнулась. А поскольку было сокращение, то там, где работают вдвоем, он работал один. Пока еще он был в сознании, бил изнутри в стекло, но его никто не слышал. Ей, оставшейся с двумя детьми, не предложили ни помощи, ни компенсации. Мало того, очень странно повело себя следствие, а судья, умная, говорит: «Ну что вы рыдаете, вы представьте, что он у вас на войне погиб». Тут зашел известный адвокат Сергей Колосовский, и я ему говорю: «Помоги, здесь откровенная несправедливость».

27.12.2013

Пришел совсем седой человек, веселый и неsgiбаемый. Михаил Викторович Фильдштейн. Удивительный человек, еврей из Одессы, музыкант. Семнадцатилетним после школы попал на фронт. Начал войну «сигналистом», дал сигнал тревоги на трубе двадцать второго июня в четыре часа тридцать минут. Потом был санитаром, бежал под огнем на передовую, тащил патроны, обратно – вытаскивал раненых. Так и бегал туда с патронами, обратно с ранеными. Под Киевом попал в окружение, взяли в плен. У него как у еврея шансов не было вообще. Сумел убежать. Долго скрывался, под Таганрогом украл катер, переправился через Азов к своим. Семья его вся погибла. И в последний день войны, когда уже прозвучало «От советского информбюро!...», он проиграл сигнал на трубе. И говорит: «Вот так вот, начал войну сигналистом и закончил сигналистом».

Зачем пришел? Да живет на 8 Марта в доме, который был построен в тысяча девятьсот четырнадцатом году и с тех по ни разу не ремонтировался – все-таки раньше лучше строили.

В августе две тысячи тринадцатого ему исполнилось девяносто лет. Отмечали в ресторане Центральный, в народе Централка, в компании нескольких его друзей – старых фронтовиков. Я зашел поздравить, а они сидят все в орденах и медалях, воевавшие, с орлиными носами как один, седые все. Вот уж кого люблю!

Он говорит:

– Ты заходи тринадцатого в Централку, у моей жены юбилей, ей восемьдесят пять исполняется, она обрадуется.

Я ему:

– О, так жена-то молодая еще!

А он подбоченился и говорит:

– Конечно, а зачем нам старушки?

И вот сидим мы с дядей Мишей, несколько часов глаза в глаза разговариваем.

– Женя, я же не геройский. Вот друг у меня был – он три танка подбил. А я нет. В меня стреляли, конечно, минометным огнем накрывало, под бомбежки попадал. Был полковым трубачом, сигналистом. Стояли под Киевом. Двадцать второго июня полпятого тревогу протрубил и общий сбор. А потом все, дудки. В обоз сдали и пошли на запад. Шли по двадцать часов в сутки. А фронт навстречу катился. Отступали, я санитаром был. Тащу на передовую ящики с патронами, оттуда раненых вытаскиваю. Закрепились на правом берегу Днепра. Сколько-то стояли. Наши бегали, у немцев убитых фляжки со шнапсом срезали. И планшетки с письмами и фотографиями забирали. Читали все, как из другого мира. А потом котел. Команда отступать пришла поздно. Шли мы по Крещатику в порядке. Отступали по мостам колоннами. А за мосты вышли и разбрелись. Ни начальников, никого. Толпа. Иду, куда все.

– А оружие-то было?

Он говорит:

– Винтовка Мосина. Через спину наискосок, чтобы не мешалась. Немцы изгалялись. Бросали пустые продырявленные бочки. Воеет страшно, когда летит. Из ракетниц по нам стреляли. Мы не понимали, куда шли. Командиров не было. Было так, что рассказывать об этом прилюдно неприлично. Срывали все знаки отличия. Закопал комсомольский билет. Место до сих пор помню.

Попал в страшный Дарницкий лагерь, где заморили голодом и расстреляли тысячи пленных красноармейцев. Сумел бежать. С другими красноармейцами скрывался на острове. Чуть не погиб от голода. Прошел через всю Украину. Зимой сорок второго вышел к Таганрогу. Скрывался. Угнал у немцев катер. Переплыл на Кубань. Шел до Кропоткина и там – через линию фронта. Прошел все проверки, попал под Матвеев курган и заново начал воевать.

Все время разговор сбивался на еду.

– На Украине легче было. В Таганроге-то совсем голодно.

Я спрашиваю:

– А что на Украине?

– Ну, – говорит, – кукуруза была, ее, правда, много не съешь. Сахарную свеклу копал, но ее тоже много не съешь даже с голодухи.

– А как выжил-то?

– Украинцы. В любую хату пускали и в каждой кормили. Просто не в каждой хате было чем кормить. Все равно помогали. И не выдал никто ни разу. Как своего принимали, у них в каждой семье кто-то в Красной армии служил.

17.01.2014

Сидит передо мной девчонка, Светой зовут. Я бы, говорит, не пришла, но уже просто край. И действительно. Шестеро детей, старшему двенадцать, беременна седьмым. Сама с Эль-маша. Поскольку жилья нет, уехали все вместе к родственникам мужа в Башкирию.

Там им дали пожить в маленьком домике. Работы там нет, зато за жилье ничего не платят. Муж нормальный парняга, воевавший. Живут дружно, оба непьющие, старшие дети помогают. Огород есть, курицы, кролики, денег только нет. Зато есть машина, ВАЗ 2109 называется, ровесница перестройки. Вижу, что надо помогать, и люди эти достойны того, чтобы им помогали, но возможностей нет никаких, и ресурса не хватает. Договорился, что ее примет один серьезный руководитель. Она поехала к нему на прием, он выслушал ее и сказал: «Все понимаю, но помочь не могу». Она заплакала и говорит: «Вы только богатым помогаете». И вот вернулась к нам. Четыре часа сидела в кабинете на диванчике, и мы перебирали все варианты и искали хоть какую-то зацепку, чтобы появилась возможность получить жилье. В конце концов Мария Николаевна придумала один ход, и мы его тут же сделали, и, возможно, через пару лет что-то получится. Но пока имеем следующее: обычные русские люди, шестеро детей, ждут седьмого, жилья нет (так бывает), из-за этого нет работы (так тоже бывает). Эти люди умеют выживать, умеют сопротивляться обстоятельствам, но им очень непросто. Государство им помочь не может.

Посмотрите стихотворение, которое передала Светлана Шабалина.

Стих про нас

У меня их трое. У меня немного.
Ем на кухне стоя, чтоб никто не трогал.
Я белье не глажу, и полы не мою,
И на ужин даже подаю второе.
Я могу одеться по горящей спичке,
Кошку, как младенца, нянчить по привычке.
Знаю, как построить башню и машину.
Знаю, как устроить куклам именины.
Делать я умею шлейф из покрывала.
На сто лет умнее за три года стала.
Я читаю: «Ма-ма».
Утешаю... «Мама-а-а!»
Отвечаю: «Мама?»
И качаю: «Ма-а-ма».
Свое счастье строим в маленькой квартире.
У меня их трое. А хочу четыре...
Будет и четыре, может, даже пять,
Лишь бы сил хватило малышей поднять!
Лишь бы не сломаться, только б не устать,
У меня четыре, а хочу я пять!
Я хочу здоровья, мира и любви,
Я хочу терпенья, мудрости хочу!
У меня их шестеро, может это много,
Коль скажу нескладно – не судите строго.
Жить, конечно, сложно, времени в обрез,
Надо б по режиму, а выходит – без.
Вроде встанешь рано, а уж кто-то встал,
И умыться в очередь, и умыться, кто мал.
Мне велосипедов и не сосчитать,
Только в коридоре их примерно пять.
И на кухне тесно, всем не сесть за стол,
В спальне, как в каюте, – двухэтажный сон.
И хотя ругаю я детей порой,
Если что, за каждого встану я горой...
Так, опять на кухне кто-то чашку грохнул!
Может, с ними трудно, но без них-то плохо!
У меня их шестеро, может, кончен счет,
У меня их шестеро, а я хочу еще...
Народилось летом нам седьмое чудо.
– Вот теперь вам хватит?! – слышу отовсюду.
– Как же их прокормишь?
– Кормим понемножку,
На обед сварили полведра картошки.
В магазине дети пять лопат купили.
Пачку пластилина в унитаз спустили.

Держим мы зеленку в двухлитровой банке.
Если вместе крикнем – слышно на гражданке!
Делаем уроки строго по программе —
Школьные программы все знакомы маме.
Деток не бывает мало или много,
Детки все родные, детки все от Бога!
Вслед вздыхают люди:
– Во дает мамаша!
Мне пока не много, хочется двойняшек!

Надеюсь, этот текст прочитают многие достойные люди. И захотят помочь. Мы можем просто скинуться и купить небольшой дом под Екатеринбургом с участком. Света не боится вести хозяйство, муж у нее неленивый, и дети старшие горазды помогать.

PS. Вы не поверите, но у нас все получилось.

24.01.2014

Девчонка пришла, вся в красивых татуировках, беременна, на девятом месяце. Работала в Москве, официально. Собралась в декрет, хозяин разозлился. Чтобы не платить декретные, написал на нее заявление, что она у него что-то украла. Вы будете смеяться, но это самый распространенный стандартный случай. Чтобы не платить декретные, мужики, хозяева предприятий, пишут на баб заявление и обвиняют их в кражах и растратах. За последние годы ситуаций пять таких решили. Мало того, некоторые умудряются получить с государства декретные и не отдавать. Поскольку дело было в Москве, позвонил в Госдуму, договорился, один серьезный депутат возьмется. Девочка получит свое точно.

31.01.2014

Читаю в карточке: ветеран труда, труженик тыла, жертва политических репрессий, инвалид второй группы. В графе «адрес»: без определенного места жительства. Бедная женщина, самой далеко за восемьдесят, деда расстреляли, отца посадили, мать умерла, детдом, спецпоселения – всего насмотрелась. Сама пробивалась, закончила УПИ, сорок лет преподавала инженерную графику. Все было нормально, все уважали, заработала трехкомнатную квартиру в Банковском переулке. Это самый центр города.

И вот в девяносто четвертом году по какому-то ложному доносу арестовывают ее дочь, бухгалтера известной фирмы и отправляют в СИЗО. Она, чтобы собрать деньги на адвокатов, закладывает квартиру в банк и, по условиям банка, дает доверенность юристу банка. Через несколько месяцев дочь освобождают и прекращают дело за отсутствием события преступления. Еще через несколько месяцев с опозданием рассчитываются с кредитом. После чего банк хладнокровно продает квартиру, а ей спокойно возвращает деньги.

До две тысячи третьего года она держит оборону и судится за свою квартиру. Происходит чудо: суд признает за ней право собственности. В этот момент всплывает бывший юрист банка с доверенностью от нее, и квартиру продают снова какому-то менту. И снова одиннадцать лет судов, и последний суд она проигрывает. Причем в решении какая-то дикая формулировка, где она лишается права собственности, но за ней закрепляется право пользования. Все, ее выселили. Очень мужественная и спокойная женщина. Отправил к лучшим юристам. Приложу все усилия, чтобы ей помочь.

07.02.2014

Женщина зашла с подружкой. Обеим по восемьдесят. Работали в войну в колхозе, совсем еще дети были, а документы все сгорели, и уже не доказать ничего. И ничего им не положено. Но не унывают. У одной в паспорте, где место рождения, написано: Большое Кладбище. Ничего себе, говорю. Она смеется, у нас, говорит, соседняя деревня называлась Малое Кладбище, так мы еще перед ними гордились!

14.02.2014

Пришла девчонка. Невысокая, сынок пятилетний у нее на руках. Видно, что держит с трудом. Я ей говорю:

– Отпусти, пусть побегает.

А она говорит:

– Он не может ходить, я его на руках ношу...

Оказывается, ДЦП у парня. Она с ним одна. У нее была однушка на Новаторов, продала за миллион восемьсот, сделала ему за девятьсот восемьдесят тысяч операцию в Германии и за семьсот семьдесят в Туле, он стал гораздо лучше, а был весь скрючен. А сейчас даже в развитии не отстает, только ножки не ходят. И она везде таскает его на руках. В месяц у нее девятнадцать с половиной тысяч. Пятнадцать отдает за квартиру, на четыре с половиной вдвоем живут. В садик его не берут. Даже в коррекционный. Потому что не ходит. Коляски тоже нет, второй год в очереди стоят. А она видно, что стойкая и отчаянная. Уже то, что единственную квартиру продала, чтобы сделать операцию, о многом говорит. Вот так, ради призрачного шанса отдала единственную квартиру. Я от растерянности попытался ей дать денег (первая реакция – ну, невозможно жить на четыре с половиной тысячи рублей!), она очень твердо и спокойно не взяла, я давай запихивать, и вдруг отвернулась в сторону и заплакала. Я встал, ушел в угол, постоял несколько минут, посопел носом, отдышался и говорю:

– Ладно, давай будем думать, что делать.

Потом Витя Тестов пришел и помог решить с коляской, потому что по очереди в ФСС ее нет, а за восемьдесят пять тысяч она есть. Тянуть уже нельзя, потому что он для нее неподъемный. А парень-то хороший. Степа его взял на руки, он к нему потянулся. Ну а что, Степа здоровый, добрый, бородатый. Вот они так и ходили по четвертому этажу, картинки смотрели. Парню все интересно. Потом от Степы отпускаться не хотел. Потом водитель наш их домой отвез. Сейчас с понедельника начнем решать системно. Попробуем с садиком договориться, посмотрим, что можно решить с реабилитацией. Там есть шанс, и он может пойти. Да, даже если бы не было шанса, все равно стали бы помогать.

Много добрых людей включилось. Коляску, замечательную, легонькую, из Японии прислал Артур Шомахов, договорились с Гошей Куценко, перекинули документы – он их ждет в Москве. Очень важно – сумели договориться с садиком, в сентябре Динара берут.

Степан Чиганцев подарил на день рождения вертолет, а сегодня принес машинку, и Динар ее гонял по кабинетам. Прилетел Артур, подарил планшет, куда мы закачаем всяких развивающих игр. У Динара глаза горят, и ему все интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.